

ДОЛГОВАЯ РАСПИСКА НА ДОЩЕЧКЕ ИЗ МАНГАЗЕИ*

Евгений Вершинин

Институт археологии Севера,
Нефтеюганск, Россия

Георгий Визгалов

Сургутский государственный университет,
Сургут, Россия

A PROMISSORY NOTE ON A WOODEN TABLET FROM MANGAZEYA

Evgeny Vershinin

Institute for the Archaeology of the North,
Nefteyugansk, Russia

Georgy Vizgalov

Surgut State University,
Surgut, Russia

The reason that prompted the authors to write this article was an archaeological artifact (found in 2009 during excavations of the Mangazeya settlement) in the form of a pine tablet with Cyrillic letters carved on it. The analysis of the inscription demonstrates that it was neither an educational text nor a meaningless set of letters. This was a completely coherent document, called “a debt bondage” (Rus. *кабала*) in the seventeenth century and earlier and “a promissory note” later. The document refers to private legal acts, but due to the absence of surnames and the names of witnesses confirming its contents, it is difficult to consider this promissory note a completed legal act. The appearance and content of the tablet refer to similar private legal acts from the northwest of Russia (Veliky Novgorod and Pskov) and demonstrate certain archaic features. This proves the survivability of northern Russian culture in colonised northern Siberia (where

* Citation: Vershinin, E., Vizgalov, G. (2021). A Promissory Note on a Wooden Tablet from Mangazeya. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 902–910. DOI 10.15826/qr.2021.3.617.

Цитирование: Vershinin E., Vizgalov G. A Promissory Note on a Wooden Tablet from Mangazeya // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 902–910. DOI 10.15826/qr.2021.3.617 / Вершинин Е., Визгалов Е. Долговая расписка на дощечке из Мангазеи // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 902–910. DOI 10.15826/qr.2021.3.617.

for obvious reasons there was a deficit of paper, an already common material in the seventeenth century). The promissory note from Mangazeya is a sample of everyday writing, a rather archaic form of private legal act that existed in the Novgorodian north long before the start of the Russian colonisation of Siberia.

Keywords: Russian epigraphy of Siberia of the seventeenth century, Mangazeya settlement, Novgorod everyday writing of the seventeenth century

Поводом для написания данной статьи послужил археологический артефакт, представляющий из себя сосновую дощечку, на которой вырезаны кириллические буквы (найден в 2009 г. при раскопках городища Мангазея). Разбор надписи показал, что это не учебный текст и не бессмысленный набор букв. Это вполне связный текст документа, который в XVII в. и ранее назывался заемной кабалой, а в наше время называется долговой распиской. Документ относится к виду частных правовых актов, и только отсутствие фамилий и имен свидетелей, подтверждающих его содержание, мешает считать эту долговую расписку законченным юридическим актом. Внешний вид и содержание дощечки восходят генетически к подобным частноправовым актам Северо-Запада России (Новгороду Великому и Пскову) и несут архаичные черты. Она свидетельствует о живучести северно-русской культуры в условиях колонизировавшей северной Сибири (где по вполне понятным причинам мог наблюдаться дефицит уже привычного для XVII в. материала для письма – бумаги). Долговая расписка на дощечке из сибирской Мангазеи являет собой образец бытового письма, имеющий весьма архаичный вид частноправового акта, бытовавший на Новгородском Севере задолго до начала русской колонизации территории Сибири.

Ключевые слова: русская эпиграфика Сибири XVII в., город Мангазея, новгородская бытовая письменность XVII в.

При раскопках городища Мангазея, расположенного на северо-западе Западной Сибири на реке Таз, благодаря хорошей сохранности в мерзлотном слое органических материалов были найдены различные надписи. Всего за период новых раскопок Мангазеи с 2001 по 2013 г. найдено 28 надписей и около 40 различных знаков (звезды, «сорочья лапа», ромбы, кресты, зигзаги и др.). Плотность находок с надписями довольно высокая, особенно если учесть, что они найдены на площади 1 186 м² в культурном слое, накопившимся не более чем за первую треть XVII в., и местами этот слой уже раскапывался в 1970 и 1973 гг.

Одна надпись сделана на обрезке кожи, и две – на бересте, все остальные выполнены на деревянных предметах – бондарных днищах, крышках и клепках, на тарелке, шахматной доске, обломках досок, бирках. Несмотря на то, что фрагменты бересты тщательно просматривались, на них, кроме орнамента, больше не обнаружено ни надписей, ни отдельных букв. Надписи же на деревянных предметах, скорее всего, обозначают имена и прозвища владельцев груза,

что свидетельствуют о распространении грамоты среди жителей Мангазеи. Письмо на бересте в XVII в. было уже редкостью и сохранялось вследствие дефицита бумаги только на периферии (известны, например, берестяные ясачные книги, составленные в Якутии в отдаленных зимовьях). В Мангазее из двух надписей на бересте одна процарапана на фрагменте изделия, это начало челобитной: «ц[а]рю г[осуда]рю в[е]ликому» [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 292]; другая написана чернилами на днище берестяного туеса [Визгалов, Пархимович, 2017, с. 312, рис. 248–20].

Самым интересным открытием раскопок 2009 г. стала находка дощечки, на которой вырезан полный письменный документ. Обнаружена она в усадьбе 2, которая состояла из пяти построек, поставленных в Г-образной форме. Постройки были представлены двумя избами с общими сенями между ними и двумя амбарами – хлевами [Там же, с. 77, 118]. Дощечка была найдена в культурном слое нижнего строительного яруса постройки 26, который датируется по данным дендрохронологии не ранее 1620 г. и не позднее 1631 г. В 1629–1631 гг. усадьба 2 погибла от пожара во время конфликта между воеводами Палицыным и Кокоревым [Там же, с. 105].

Дощечка сделана из сосновой доски как бы специально под надпись. Поверхность аккуратно обстругана ножом, торцы коротких сторон срезаны под углом 45°. Размеры – 14,8 см × 6,8 см, толщина – 0,6–0,7 см. На дощечке по ширине аккуратно вырезана надпись на обеих сторонах, состоящая из шести полных строк и одной неполной (пять строчек на лицевой стороне, две – на оборотной). Надпись читается следующим образом:

сеязтеретепетровъсы
нъзанялъесиунечеяо
чифоровасынапедеса
терубледенгамаклатися
аодятибесриписимесе
цаагустанатопо
суси

Нами произведено разделение на слова и вставлены (в квадратных скобках) пропущенные буквы:

Се яз Тере[н]те[й] Петровъ сы
нъ занялъ еси у Нечея О
[н]чифорова сына педеса
те рубле денгама клатися
а одяти бес [п]риписи месе
ца а[в]густа на то по
с[л]уси

В переводе на современный русский язык надпись предельно понятна:

Я, Терентий Петров сын, занял у Нечей Ончифорова сына пятьдесят рублей наличными деньгами. А отдать без процентов в августе месяце. На то свидетели...

Таким образом, перед нами долговая расписка или, по терминологии XVII в., заемная кабала (ил. 1, 2 на цв. вклейке). С лингвистической точки зрения этот документ представляет собой образец бытового письма, генетически восходящий к бытовому письму северо-западных областей Руси (Новгорода и Пскова). Благодаря открытию такого пласта русской культуры, как берестяные грамоты, живой разговорный язык средневекового Новгорода XI–XV вв. и его отражение в бытовой письменности все более поддаются научной реконструкции. Давно известно, что промысловая колонизация Северо-Западной Сибири в XVI–XVII вв. осуществлялась в основном выходцами с Русского Севера, которые сохраняли и транслировали древненовгородские культурные традиции. Поэтому при интерпретации найденной в Мангазее дощечки обращение к севернорусским образцам вполне естественно.

Не являясь специалистами по исторической лингвистике, мы воспользуемся профессиональными наблюдениями А. А. Зализняка над новгородским диалектом и языком берестяных грамот. Мы уверены, что займодавец Нечей Очиферов в то же самое время в бумагах мангазейской приказной избы писался бы как Анциферов (в соответствии с доминирующим в официальной письменности московским говором). О замещении букв в новгородских берестяных грамотах А. А. Зализняк пишет: «Смешение *ц* и *ч* объяснялось просто: в диалекте древних новгородцев фонемы *ц* и *ч* совпали, т. е. на месте их обеих новгородцы произносили один и тот же звук. Это явление – так называемое цоканье – хорошо известно и поныне в севернорусских говорах... Существенно здесь не то, какой именно звук произносится, а сам факт неразличения двух фонем» [Зализняк, с. 430].

Определенную трудность представляло прочтение слова, обозначающего взятую в долг сумму. Если в конце третьей строки все-таки отчетливо читается «педеся», то в начале четвертой различимы две изогнутые палочки, которые можно прочитать и как «сс», и как «те». По смыслу текста слово должно читаться как «педесяте». Слово «рубле» с современной точки зрения не закончено. В официальном делопроизводстве написали бы, скорее всего, «рублев». Однако сочетание двух слов, которые одинаково заканчиваются на -е, навело на мысль о диалектном говоре автора долговой расписки. И здесь опять же на помощь пришли исследования А. А. Зализняка. Ученый отметил в древнем новгородском диалекте окончание -е (правда, в именительном падеже мужского рода и соответствующих глаголах и прилагательных). Анализ берестяных грамот привел А. А. Зализняка

к выводу, что в живой речи новгородцев XI–XII вв. формы с *-е* были господствующими, а данная диалектная особенность уходит в еще дописьменную эпоху (примеры из берестяных грамот: *хлебе, брате, саме, приише, дешеве* и т. д.). А. А. Зализняк пишет, что «происхождение древненовгородского окончания *-е* окружено ореолом загадочности... научная дискуссия продолжается. Ясно, однако, что мы имеем дело с явлением глубокой древности, которое уже в начальную эпоху существования Киевской Руси составляло важное различие между древненовгородским диалектом и южными диалектами восточнославянской зоны» [Зализняк, с. 445–446]. Поэтому, видимо, было бы ошибкой считать автора долговой расписки малограмотным человеком; он писал по правилам бытового северорусского письма и именно так, как его научили писать.

Таким образом, языковые особенности долговой расписки заставляют предполагать в ее авторе выходца с Русского Севера (что, впрочем, неудивительно). Но не только лингвистика уводит мангазейскую дощечку в область новгородско-псковской старины. О записях на досках долговых обязательств историкам было известно давно из письменных источников летописного и юридического характера. Как известно, наиболее удобный и дешевый материал для письма – бумага – постепенно входит в русский обиход только с середины XIV в. (завозилась из стран Западной Европы). До этого в письменности использовался пергамен, бывший достоянием элитарной книжно-церковной культуры. Берестяные грамоты, весьма разнообразные по содержанию, показали, что народная культура в средневековой Руси вовсе не была «культурой безмолвствующего большинства». Помимо бересты, широкое распространение в Северо-Западной Руси имели (как материал для письма) дощечки. О них говорится только в сугубо специальной научной литературе, и то порой не без ошибок. Так, в солидном издании памятников русского законодательства (при комментировании Псковской судной грамоты) сказано: «Доска (дѣска) – письменный акт, примитивный юридический документ» [Российское законодательство, т. 1, с. 353]. Согласитесь, что из этого определения трудно что-либо понять.

Между тем, письменные источники официального характера указывают на распространенность записей на «досках», и записи эти обязательно связаны с долгом (займом, ссудой). Новгородская Первая летопись под 1209 г. сообщает о восстании новгородцев против семьи посадника Дмитра Мирошкинича и о конфискации по решению веча имущества этой боярской семьи¹. Имущество было разделено – «по 3 гривне по всему городу», «а что на дѣщьках, а то князю оставиша». Когда немного позднее в Новгород прибыл князь Святослав Всеволодович, то новгородцы «даша дѣщки Дмитровы Свято-

¹ В. Л. Янин убедительно доказывает, что восстание против Дмитра Мирошкинича имело место в 1207 г. См.: [Янин, с. 117, 118].

славу, а бяше на них бецисла», то есть посадник держал у себя целый архив долговых расписок на дощечках [ПСРЛ, т. 3, с. 51, 248; Тихомиров, с. 237–244].

Долговые дощечки активно присутствуют в Псковской судной грамоте. Как считается, известный нам ее окончательный вариант был создан в 1460-е гг. В Псковской судной грамоте 120 статей, большинство из которых основываются на «пошлине» (от выражения «как пошло, повелось»). Судная грамота содержит 13 статей, где фигурируют «доски», причем обязательно связанные со ссудой или долгом. Вот как их комментируют В. Л. Янин и А. А. Зализняк: «Очевидно... что под “доской” понималась долговая расписка, не имеющая официального оформления. Такая расписка признавалась действительной, если она была выдана на сумму меньше рубля. Более значительные ссуды оформлялись иначе – составлением записи, копия которой помещалась в государственном архиве Пскова – “ларе св. Троицы”, и взятием закладов, оговоренных в такой записи... Что касается внешнего вида “досок”, то М. Н. Тихомиров полагал, что под ними могли иметься ввиду акты, записанные в снабженную переплетом из досок книгу, а А. А. Зимин допускал, что “доской” мог быть и частноправовой акт, написанный на бересте» [Янин, Зализняк, с. 82]. Исследователи правомерно возражают против этого: «Берестяные записи о разного рода долгах нам достаточно хорошо известны, однако и они не могли иметь официальной силы расписок, представляя собой лишь памятные заметки кредиторов, составленные для себя. Гарантию ссудной записи могли дать только такие ее формы, которые или фиксировались послухами, или же сопровождались противнями (копиями. – Е. В., Г. В.), то есть своего рода квитанциями. Вместе с тем подобные записи должны обладать определенной долговечностью, которую отнюдь не обеспечивает берестяное письмо. По-видимому, именно вырезанные на дереве записи отвечают последнему условию, что соответствует и наименованию ссудных документов, обеспечивающих возврат небольших сумм, “досками”» [Там же]. На фоне этих рассуждений не совсем понятно, почему сам В. Л. Янин был склонен (по крайней мере в 1986 г.) принять за «доски» письменных источников найденные при раскопках в Новгороде полукруглые в сечении деревянные плашки с зарубками и краткими надписями. Мангазейская находка заставляет понимать текст летописи буквально: долговые расписки вырезались на дощечках.

Обратимся к некоторым статьям из Псковской судной грамоты. В ст. 30 (комментарии к ней В. Л. Янина приведены выше) говорится:

А кто имет дават серебро в заим, ино дати до рубля без заклада и без записи, а болши рубли не давати без заклада и без записи. А кто иметь [сочи]ти (сочить – искать, возбуждать дело. – Е. В., Г. В.) ссуда серебра по доскам без заклада боле рубля – ино того доска повинити, а того права, на ком сочат.

Поясним здесь только, что под «записью» подразумевается подробная опись вещей, отданных в заклад. Ст. 36:

А на котором человеке имуть сочити долгу по доскам, или жонка, или детина, или стара, или немощна, или чем безвечен, или чернец, или черница – ино им наймита волно наняти, а исцом целовати, а наймитом битись; а против наймита исцу своего наймита волно, или сам лезет [Российское законодательство, т. 1, с. 334, 335].

Создается впечатление, что долговые обязательства, оформленные записями только на досках, были весьма распространены, и дело дошло до «Божьего суда» в виде судебных поединков.

Историки русского права согласны в том, что долговая запись на доске XIII–XV вв. являлась неформальным договором даже при наличии залога. Тем не менее, зафиксированное в письменном виде долговое обязательство стало, безусловно, шагом вперед по сравнению с более ранними устными сделками. Можно высказать предположение, что послухи (свидетели, поручители) «перешли» в письменный период оформления актов из дописьменного периода, когда они являлись единственными гарантами выполнения условий сделки. Существование и значительная роль послухов при заключении договоров самого разного характера прослеживаются в юридической практике Руси (России) на протяжении нескольких веков. Решающая роль послухов при решении спорных дел отражена еще в Судебнике 1550 г. (ст. 15). В нем рассматривается казус, когда истец, не имея заемной кабалы (то есть долгового обязательства), ссылается только на послухов. Далее конкретизируется ситуация, при которой показания послухов, свидетелей сделки, расходятся. В таком случае послухи, давшие разные показания, были обязаны выйти на судебный поединок. Отказ от поединка послухов, согласных с истцом, означал поражение истца в суде [Российское законодательство, т. 2, с. 99].

Обратимся снова к мангазейской дощечке. Ее находка уникальна, так как даже при раскопках Великого Новгорода, продолжающихся уже 60 лет, подобного артефакта не было найдено. Причина этого, очевидно, проста: долговые расписки на досках, имевшие широкое хождение в средневековых Новгороде и Пскове, должны были уничтожаться после уплаты долга кредитору (разве не так поступает современный человек, занявший деньги у другого частного лица, со своей распиской?). Можно предположить, что долговая запись из Мангазеи потому и сохранилась, что оказалась несостоявшимся актом (заемной кабалой) – имена послухов в ней отсутствуют. Генетически восходящая к новгородско-псковским «доскам», мангазейская дощечка демонстрирует живучесть традиций северорусской культуры в географическом и хронологическом срезе: от Северо-Западной Руси через Поморье в Сибирь, от домонгольской Руси до XVII в. Скорее всего, долговая запись на дощечке была вызвана дефицитом бумаги

в заполярной Мангазее, но важен тот факт, что архаичный для XVII в. способ заключения сделки по займу не был забыт.

К сожалению, ни в имеющейся литературе, ни в известных нам опубликованных и архивных источниках пока не удалось обнаружить имен Терентия Петрова и Нечая Ончифорова. Датировать документ, исходя только из его содержания, не представляется возможным. Можно только предположить, что он относится ко времени расцвета Мангазеи (первая треть XVII в.), когда в городе оставалось на зимовку значительное количество промышленных людей, собиравшихся на соболиные промыслы. Возможно, что Терентий Петров был не рядовым промышленником, а хозяином артели покручников (промышленников, которые «покрутились» на соболиные промыслы за счет снаряжения более состоятельного лица и поэтому попали от него в определенную зависимость). О том, что сам Петров не собирався на промыслы, свидетельствует тот факт, что он намеревался вернуть долг в срок менее года (может, поэтому в расписке нет ни одной даты, кроме указания на месяц). Промысел пушного зверя к востоку от Мангазеи занимал не менее двух-трех лет.

Насколько известно из истории первоначальной колонизации Сибири, заемные кабалы не были редкостью, но писались они, как правило, на бумаге. Так, в 1646 г. в Якутске разбиралось дело по челобитной торгового человека Н. Агапитова, который предъявил в воеводской избе просроченную заемную кабалу. Еще в 1641 г. семеро казаков (среди них Семен Дежнев и Михаил Стадухин) заняли у Агапитова 15 рублей с обязанностью вернуть до 9 мая 1642 г. В случае невозвращения денег в срок условия кабалы предусматривали рост процентов (20 % годовых). В кабале назван один послух, тоже из казаков [Русские мореходы, с. 105–106]. Долговая расписка из Мангазеи также предусматривала возвращение денег в срок без процентов («без приписи»). Если сравнить эти два документа, то якутский действительно можно назвать заемной кабалой, соответствующей юридическим нормам своего времени, а мангазейский – архаичной долговой распиской, отчего ценность мангазейской находки только возрастает.

Список литературы

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск ; Екатеринбург : Караван, 2017. 360 с.

Зализняк А. А. Послесловие лингвиста // Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 3-е изд. М. : Языки рус. культуры, 1998. 464 с.

ПСРЛ : в 46 т. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М. : Языки славян. культуры, 2000. 723 с.

Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юридич. лит., 1984–1994. Т. 1. Законодательство Древней Руси. 430 с. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 530 с.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах : сб. док. / сост. М. И. Белов. Л. ; М. : Изд-во Главсевморпути, 1952. 386 с.

Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. XI–XIII вв. М. : Госполитиздат, 1955. 280 с.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. 388 с.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М. : Наука, 1986. 312 с.

References

Belov, M. I. (Ed.). (1952). *Russkie morekhody v Ledovitom i Tikhom okeanakh. Sbornik dokumentov* [Russian Sailors in the Arctic and Pacific Oceans. A Collection of Documents]. Leningrad, Moscow, Glavsevmorputi. 386 p.

Chistyakov, O. I. (Ed.). (1984–1994). *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov v 9 t.* [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. Vol. 1. Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi 430 p. Vol. 2. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. 530 p.

PSRL v 46 t. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. (2000). Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 723 p.

Tikhomirov, M. N. (1955). *Krest'yanskie i gorodskie vosstaniya na Rusi. XI–XIII vv.* [Peasant and Urban Uprisings in Russia. 11th – 13th Centuries]. Moscow, Gospolitizdat. 280 p.

Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. (2008). *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya* [Mangazeya: New Archaeological Research]. Yekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan. 296 p.

Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. (2017). *Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda* [Mangazeya: The Manor of the Polar City]. Nefteyugansk, Yekaterinburg, Karavan. 360 p.

Yanin, V. L. (1962). *Novgorodskie posadniki* [Novgorod Posadniks]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 388 p.

Yanin, V. L., Zaliznyak, A. A. (1986). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)* [Novgorod Birch Bark Manuscripts (from Excavations of 1977–1983)]. Moscow, Nauka. 312 p.

Zaliznyak, A. A. (1998). Posleslovie lingvista [The Afterword of a Linguist]. In Yanin, V. L. *Ya poslal tebe berestu...* 3rd Ed. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 464 p.

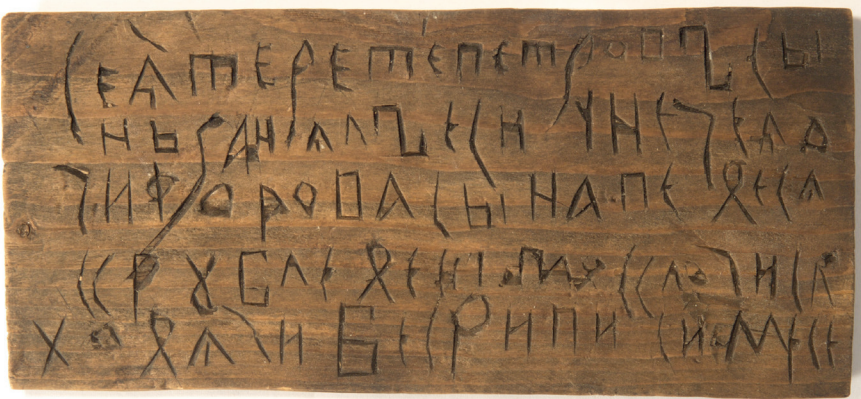
The article was submitted on 16.05.2020

Иллюстрации к статье:

Евгений Вершинин, Георгий Визгалов. Долговая расписка на дощечке из Мангазеи

Illustration for the article:

Evgeny Vershinin, Georgy Vizgalov. A Promissory Note on a Wooden Tablet from Mangazeya

1. Дощечка. Долговая расписка. Коллекция из раскопок Мангазейского городища 2009 г. XVII в. Лицевая сторона

Pine tablet. A debt bondage. Collection from the excavations of the Mangazeya settlement in 2009. 17th century. Front side

2. Дощечка. Долговая расписка. Коллекция из раскопок Мангазейского городища 2009 г. XVII в. Обратная сторона

Pine tablet. A promissory note. Collection from the excavations of the Mangazeya settlement in 2009. 17th century. Reverse side